

*Быть самой собой – не значит быть безрассудной.
Это значит слушать La voz mitologica,
Мифологический голос.*
К.П. Эстес. Бегущая с волками

Никто никогда не узнает, сколько же тайн хранит в себе человек, даже о них не подозревая. Порой сидишь так и думаешь, что ничего не умеешь, а на самом деле...

У вас когда-нибудь сбывались мечты? О которых вы даже не помышляли? У меня да. Я исполнила многолетнюю, прячущуюся на задворках подсознания мечту. И до сих пор не могу к этому привыкнуть.

Всю свою жизнь я мечтала петь. Музыка всегда жила во мне. Мама говорит, что в детстве пыталась заниматься со мной музыкой, но потерпела неудачу. Она считала, что у меня нет интереса, а я лишь помню чью-то фразу: «У тебя нет ни слуха, ни голоса». Брошенные кем-то, возможно без злого умысла, слова надолго остались в моём сердце. А что могла ответить на них маленькая девочка? Да ничего.

Но маленькая девочка выросла и решила сама ковать свою судьбу. В 23 года тема пения активно витает в разговорах. Я очень сомневаюсь, но всё же решаюсь пойти учиться петь. Знакомые подсказали мне сайт по поиску репетиторов. Там мне подобрали моего первого педагога. Мне позвонила женщина по имени Нина Геннадьевна. Своим звонким солнечным голосом она убедила меня попробовать, и мы договорились о встрече у неё дома. Когда я ехала на занятие, мои мысли словно бежали по олимпийскому 400-метровому кругу, где вместо старта было выражение «Я не умею петь», а вместо финиша – «Я еду учиться пе-е-е-ть»!

На пороге квартиры меня встретила темноволосая женщина с блестящими карими глазами. Это и была Нина Геннадьевна. Она приветливо пригласила меня войти. Мы долго обсуждали перспективы

занятий и начали заниматься. На первом занятии я узнала, как нужно правильно стоять, открывать рот при пении. Воспроизводить всё это одновременно, ещё и извлекать из себя какие-то звуки оказалось архисложно. Я чувствовала себя неловко и глупо.

После занятия Нина Геннадьевна сказала мне: «У тебя есть слух и голос. Слух на пятерку!»

«Господи, серьёзно?! – думала я. – Столько лет прошло зря!» Мысли огромной лавиной обрушивались на меня. И я решила продолжать заниматься. Та девочка, что когда-то осталась без права голоса, стала отступать.

Так начались мои уроки у Нины Геннадьевны. Было очень, очень трудно. Безумное количество информации на каждом занятии. И практика, практика, практика. Время тратилось на преодоление многолетнего барьера «у меня нет ни слуха, ни голоса». Я учились выстраивать отношения с собой и своим телом. Любой нюанс стал важен.

Наконец, я начала докапываться до своего истинного голоса. Как шахтёр добывает золото, так и я – голос. Как только я нашупала его, то почувствовала, что обрела суперсилу! Внезапное чувство могущества разливалось по телу. Оно даёт силы и веру. Веру в себя. Я училасьправляться с новой энергией: разбирала песни, работала с дыханием и слушала, слушала музыку. Постепенно воспитывался мой слух: я слышала музыку. Теперь, при прослушивании песен, я слышу, как они были спеты.

Мне было шесть, когда мама, разговарившись со своей старой подругой, впервые отвела меня в музыкальную школу. Мамина подруга Ирина Николаевна была там преподавательницей, она предложила прослушать меня.

Мы с мамой шли по тихим прохладным коридорам музыкалки. Звук каждого шага по старому деревянному полу отражался в стенах. Когда мы зашли в класс, Ирина Николаевна уже сидела за фортепиано. Она пригласила меня к инструменту,

и прослушивание началось. Я, кажется, что-то пела, брала какие-то ноты... По окончании прослушивания учительница сказала, что у меня есть способности и можно работать. Это известие так окрылило меня, что потом, дома, я даже подготовила полочку для нот. Я живо представляла себе, как буду ходить по этим прохладным коридорам, как погружусь в таинственный мир звуков. Я даже смотрела объявления о продаже фортепиано. Я прикоснулась к своей мечте.

Но родители были против. Они считали, что я брошу музыкалку, как бросала другие кружки. Иного объяснения у них не было. Боль и обида, застрявшие комком в горле, просто не давали мне сил на сопротивление.

Я продолжала ходить на занятия с Ниной Геннадьевной. Дело шло с переменным успехом. Правда, мне стало тесно в предлагаемых условиях. Существующее положение осложнялось тем, что я жила далеко от Нины Геннадьевны, и на дорогу приходилось тратить большое количество времени.

И я начала поиски нового педагога. Я просто думала об этом, периодически просматривая другие варианты.

Но не каждый учитель может стать твоим и поможет раскрыть потенциал. Когда я училась в третьем классе, к нам на урок пришла мама нашей одноклассницы Лены, Ирина Алексеевна, учительница из музыкальной школы. Теперь эта светловолосая женщина, похожая на стервятника, объявила, что набирает учеников, и попросила нас спеть.

Пока мы пели, она величественно ходила между рядами, пытаясь прислушаться к каждому. Кому-то она говорила: «Хорошо», кому-то кивала, а кому-то ничего не говорила. Когда учительница подошла к нашей парте, то даже не стала прислушиваться. Она посмотрела на меня и соизволила произнести: «А тебя я даже слушать не буду!» Я ничего не могла ни сказать, ни понять... Почему? Её слова прочно засели в моей голове.

Закончив обход класса, Ирина Алексеевна назвала несколько фамилий учеников, которых она отобрала. Тех ребят пригласили заниматься в музыкальную школу. А я сидела за партой, сдерживая слёзы.

Поиски нового педагога неожиданно ускорились: я поделилась намерениями со знакомой, встреченной на трамвайной остановке, Светланой Аркадьевной. Она рассказывала, что раньше работала в музыкальной школе, и я решила к ней обратиться. Женщина посоветовала мне позвонить директору той школы, где она работала, Зинаиде Ивановне. В музыкальной школе взяли мои контакты и ответили, что если найдётся свободный педагог, то он сам перезвонит.

Я шла по цеху на работе, когда раздался звонок. На другом конце провода женщина хорошо поставленным строгим голосом представилась как преподаватель по вокалу – Анна Михайловна. Она спра-

шивала о моих долгосрочных планах на занятия пением. Я сначала немного растерялась, но потом ответила всё как есть. Мы договорились о встрече, и меня пригласили в музыкальную школу недалеко от дома. Последнее обстоятельство очень радовало. Пока я решила просто сходить на урок, а потом уже решить, оставаться с прежним педагогом или нет.

Когда я шла на урок, волнения и трепет охватывали меня – я в шаге от исполнения старой, давно забытой мечты! Интуиция никогда не спит.

Эта музыкальная школа располагалась в здании сталинской постройки с высокими потолками и широкими коридорами. Я зашла в класс, где меня встретила элегантная блондинка. Это и была Анна Михайловна. Она оказалась педагогом старой закалки. Я обратила внимание на её чёткую, хорошо поставленную речь. Она сразу объяснила принципы своей работы. После чего мы приступили к занятию.

Я вспотела. Уже в самом начале урока. Хотя работы было проделано совсем немного.

И снова огромное количество новой информации. И громадный объём работы. Всё, что я делала до, просто померкло по сравнению с одним этим первым (!) занятием. Разумеется, я решила продолжить заниматься у Анны Михайловны.

Предстояло объясниться с Ниной Геннадьевной. К сожалению, известие о моём уходе она восприняла в несколько нервном ключе. Это оказалось очень печально, но я ей благодарна за всё.

Новый педагог – новые правила. На каждом занятии я узнавала что-то новое и полезное. Оказывается, очень важно чётко пропевать каждое слово, чтобы слушатели могли понять тебя. Важна фразировка, смысловые акценты в песне. Самое важное – пение на опоре. Опора – это живот. И её трудно порой удерживать.

И мой кошмарный сон – широкое открывание рта. При всём при этом надо попадать в ноты, держать мотив, интонацию. Как тут не сойти с ума? Я не знаю... Я потела над каждой нотой, буквой, фразой, песней. Но знала, что всё смогу.

Самой занимательной для меня была распевка на диапазон, и во время неё со мной частенько случался один казус. Как только мы переходили к более высоким нотам, то я начинала смеяться. На первых занятиях я очень часто «ловила смешинку». Наверное, через смех уходили все страхи и зажимы, накопленные за годы неверия. Каждая нота сверх наработанного диапазона – полёт в космос.

Через какое-то время мне повезло поработать с концертмейстером. Для тех, кто не знает, это – пианист-аккомпаниатор, руководящий исполнителями при разучивании ими партий. Такой аккомпаниатор, вернее, такая, появилась у меня. Ею стала Тамара Евгеньевна, концертмейстер музыкальной школы, где я училась. Я так рада, что мне посчастливилось поработать с ней! Она помогала мне на первых порах, когда я даже не представляла, что нужно делать.

Через полтора года занятий Анна Михайловна предложила мне участвовать в вокальном конкурсе. Сначала я испугалась, так как публично ещё не пела, но потом решилась на участие.

Из моего репертуара для исполнения на конкурсе было выбрано две песни: народная «В низенькой светёлке» и романс А. Варламова «Ненаглядный ты мой». Вообще, надо сказать, Анна Михайловна так тонко сумела считать меня, что подбирала мне песни, которые вызывали самые светлые и искренние чувства. Я никогда не думала, что буду петь романсы!

Но на конкурсных произведениях начались проблемы. На народной песне мне тяжело давался мотив, страдала артикуляция. Анна Михайловна даже предлагала её заменить. Из вредности я настояла на том, чтобы её оставить.

Романс был очень страстным. Но страсти в моих глазах педагог не наблюдала. Глаза были мёртвые.

Началась кропотливая работа. Что и говорить, если мне даже снилось, как я выступаю.

Ведь мне впервые предстояло показать себя в качестве вокалистки на публике. Это очень страшно. Я просила подруг послушать меня, записывала себя на видео, анализируя пение потом.

Все мысли в конкурсе... Музыка стала для меня действенным средством борьбы с депрессией, превратившей мою жизнь в чёрно-белое кино. Музыка имеет удивительную силу: может вдохновлять, направлять, развивать, спасать. Она спасает меня.

Конкурс проходил в конце февраля, а в его начале, как это бывает, ударили морозы. Добираться на работу и с ней стало просто нереально. В один из дней не пришёл трамвай, и мы были вынуждены идти на работу пешком по промзоне навстречу ветрам. После такого путешествия не могла согреться до обеда. Потом шла домой и думала, что заболела. А это значило, что вся подготовка была впустую.

Следующее утро стало воистину добрым – я проснулась здоровой! Даже простуда отступила перед моим желанием петь.

Но страх периодически накатывал: взлетали в животе бабочки, немели ноги. Правда, настрой сохранялся боевой. Я решила никого не звать поддержать меня – этот бой лишь для меня одной.

Когда я нашла платье, украшения и причёску для выступления, пазл начал складываться. Я подобрала светло-сиреневое платье в пол, украшения с гранатами, а также завила волосы. Когда взглянула на себя в зеркало, то поняла, какая же я красивая и шикарная. У меня всё получится.

Так случилось, что незадолго до конкурса у меня поменялся концертмейстер: Тамара Евгеньевна

уехала на другой конкурс, и Анна Михайловна нашла ей замену – Наталью Сергеевну. С ней мы познакомились за несколько дней до концерта. Она сразу понравилась мне: улыбчивая и добрая, чутко слушает и даёт рекомендации.

Конкурс проводился в органном зале с отличной акустикой, с которой я ещё не умела работать. Когда я пришла туда, услышала в холле репетицию хоровой капеллы. Они пели так прекрасно – можно было представить, что находишься в раю.

На репетиции в органном зале голос дрожал. Потом я освоилась: перекусила, попила – голос вернулся.

Скоро мой выход, я ждала его за кулисами, настраивалась. Сейчас всё решится. Объявили. Помню, что сделала как учили: кивнула жюри, вдох-выдох, вдох-выдох, кивнула концертмейстеру, и начали...

Как я пела, не помню. Помню сцену, свет софитов, музыку, зал... и всё. Заключительный кивок жюри. Уходим со сцены.

Адреналин настиг за сценой – меня знатно потряхивало. И слабое осознание: «Я сделала это!» Переодеваться. Трамвай до дома. Разговор с педагогом о впечатлениях. Дома. Голова разболелась так, что хотелось заснуть спать и забыться. Результаты завтра.

Я не ждала высоких результатов, так как была абсолютно уверена, что мне ничего не дадут. Так я и стояла (без ожиданий) на сцене вместе с остальными участниками конкурса на церемонии награждения. Как вдруг: «Награждается Ручьева Александра, дипломант 1-й степени в номинации «Вокал академический»! «Обалдеть! – думала я. – Серьёзно? Ого... Когда уже мою фамилию начнут произносить и писать правильно?»

После вручения диплома я пребывала в лёгком шоке. Моя коллега по номинации, Оксана, сердечно поздравила меня. Уже возле раздевалки, после очередных поздравлений она обняла меня и призвала не бросать музыку. Ведь музыка, по её мнению, никогда не предаст.

Анна Михайловна похвалила и сказала, что для дебютанта у меня отличный результат. Я рассказала о своих успехах всем, кто знал о моём увлечении. Меня поздравляли и желали успехов. Моя бывшая одногруппница Настя даже написала, что я замотивировала её.

Я не выиграла главный приз, но обрела гораздо больше. Я нашла мифологический голос, и он зазвучал. А я впервые за долгое время почувствовала себя счастливой.